

УДК 316.485(477)

Бова А. А.

канд. соц. н., старший научный сотрудник,
начальник научно-исследовательского отдела
ГНИИ МВД Украины

(НЕ)ПРОТЕСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ: КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИНДЕКСОВ

В статье представлен обзор подходов к построению социологических индексов политического протеста. Первый подход включает повышение мощности шкалы за счёт приписывания альтернативам вопросов определенных баллов. Весовые коэффициенты могут определяться исследователем, экспертами или на основании многомерного статистического анализа. Второй подход предполагает построение индекса на основании простой, невзвешенной суммы соответствующих альтернатив.

Установлено, что готовность к протестам можно охарактеризовать как с точки зрения разнообразия выбора протестных действий, так и с точки зрения конвенциональной и неконвенциональной форм политического участия. Рассмотрена структура взаимосвязей эмпирических индикаторов протестных настроений и участия в Евромайдане. Предложены интегральные индексы, полученные путем перекодирования шкал, характеризующих (не)протестные ориентации: индекс протестной ориентации, индекс непротестной ориентации, индекс неопределенности в ориентации на протест/отказ от протеста.

Для исследования взаимосвязей между четырьмя переменными использован множественный анализ соответствий, измерения внутренней согласованности шкал индексов – коэффициент Альфа Кронбаха. Эмпирической базой исследования послужили данные изучения общественного мнения «Украинское общество: мониторинг социальных изменений», проведенного Институтом социологии НАН Украины в 2014 году.

Ключевые слова: протестная/непротестная ориентация, готовность к протестам, конвенциональное и неконвенциональное политическое участие, множественный анализ соответствий, социологический индекс.

У статті представлений огляд підходів до побудови соціологічних індексів політичного протесту. Перший підхід включає підвищення потужності шкали шляхом приписування альтернативам запитань певних балів. Вагові коефіцієнти можуть визначатися дослідником, експертами або на підставі багатовимірного статистичного аналізу. Другий підхід передбачає побудову індексу на основі простої, незваженої суми відповідних альтернатив.

Встановлено, що готовність до протестів можна охарактеризувати як з точки зору різноманіття вибору протестних дій, так і з точки зору конвенціональної та неконвенціональної форм політичної участі. Розглянуто структуру взаємозв'язків емпіричних індикаторів протестних настроїв та участі в Євромайдані. Запропоновано інтегральні індекси, отримані шляхом перекодування шкал, що характеризують (не)протестні орієнтації: індекс протестної орієнтації, індекс непротестної орієнтації, індекс невизначеності щодо орієнтації на протест/відмову від протесту.

Для дослідження взаємозв'язків між чотирма змінними використано множинний аналіз відповідностей, вимірювання внутрішньої узгодженості шкал індексів – коефіцієнт Альфа Кронбаха. Емпіричною базою дослідження слугували дані вивчення громадської думки «Українське суспільство: моніторинг соціальних змін», проведеного Інститутом соціології НАН України в 2014 році.

Ключові слова: протестна/непротестная орієнтація, готовність до протестів, конвенціональна та неконвенціональна політична участь, багатовимірний аналіз відповідностей, соціологічний індекс.

The article presents an overview of approaches to the construction of sociological indices of political protest. The first approach involves increasing the power of the scale by assigning respondents' answers to certain points. Weight coefficients can be determined by the researcher, experts or based on multivariate statistical analysis. The second approach involves constructing an index based on a simple, unweighted sum of the corresponding alternatives.

It is established that the readiness for protests can be characterized both in terms of the variety of the choice of protest actions, and in terms of conventional and unconventional forms of political participation. The structure of interrelationships between empirical indicators of protest moods and participation in Euromaidan is considered. The integral indices obtained by recoding the scales characterizing the (non)protest orientations are proposed: the index of orientation toward protest, the index of non-protest orientation, the index of refusal protest/non-protest orientation.

For exploratory of the relationships between the four variables the multiple correspondence analysis and Cronbach's alpha for measurements of the internal consistency of the index scales are used. The empirical base of the research was the data of the study of opinion poll «Ukrainian Society: Monitoring of Social Changes», conducted by the Institute of Sociology NAS of Ukraine in 2014.

Keywords: *protest/non-protest orientation, readiness for protests, conventional political and unconventional political participation, multiple correspondence analysis, sociological index.*

Общественно-политические события, связанные с гражданской активностью, традиционно находятся в поле зрения зарубежных и отечественных социологов. Актуальными для современной социологической науки являются задачи как количественного измерения предпосылок социальных возмущений, так и факторов, которые их тормозят. Вопросы о потенциальном и реальном участии населения в различных формах социального протеста фигурируют во многих социологических опросах, а для комплексного измерения протестного потенциала и протестного поведения предложены разнообразные социологические индексы, которые объединяют близкие по содержанию или статистически связанные между собой переменные, что дает возможность целостно характеризовать общественное мнение различных социальных групп, строить более лаконичные статистические модели, выполнять многомерную типологизацию.

Приписывание определенных баллов альтернативам вопросов или же шкалирование и применение методов редукции данных (анализ главных компонент, эксплораторный и конфирматорный факторный анализ) позволяют повысить мощность шкалы измерения, перейти от номинальных или порядковых шкал к шкалам псевдометрическим. В первом случае существенные трудности вызывает обоснованность выбора весовых коэффициентов, во втором возникают проблемы в сопоставимости результатов, поскольку значения индексов рассчитываются на выборочных данных за определенный год (или на массиве данных, объединенных за несколько лет).

Исследования по теме протестных ориентаций с разработкой соответствующих эмпирических индикаторов и шкал берут начало с 1960–1970-х годов. Как указывает Марио Кваранта, одна из стратегий измерения политического протеста включает изучение протестного потенциала, т.е. намерений, которые относятся к участию в подписании петиций, демонстрациях, бойкотах, забастовках, захвате или блокаде зданий, а также отказе платить арендную плату и налоги, рисовать лозунги или наносить ущерб имуществу. Вторая стратегия концентрируется на политических действиях, т.е. опыте непосредственного участия в демонстрациях, бойкотах, подписании петиций, забастовках, захватах зданий или фабрик [1, с. 25]. В свою очередь разные авторы подразделяют протестные действия на открытые и скрытые, активные и пассивные, законные и незаконные, мирные и насильственные (агрессивные), конвенциональные и неконвенциональные. Неконвенциональное политическое участие отличается большим радикализмом, противоборством с представителями органов власти, несет в себе значительные риски для людей и собственности, выходит за рамки правовых норм. Более того, по утверждению Дуга Макэдома, в широком смысле «неконвенциональность всех протестных действий заключается в том, что они позволяют оказывать воздействие на политический процесс в обход и вопреки установленным процедурам и правилам «институциональной» политики. Они открывают возможность воздействия на политический процесс для акторов (граждан), которые не имеют институциональной власти и доступа к механизмам принятия решений» [цит. по: 2, с. 84].

В зависимости от теоретических положений и заложенных в методический инструментарий эмпирических индикаторов, силы взаимосвязи между ними может рассчитываться (оцениваться) как один, так несколько интегральных индексов. При изучении общественного мнения жителей Кливленда (США) респондентам предлагалось ответить на 19 вопросов и выразить свое отношение к различным видам протестов, отметить интерес к политике и указать свой опыт участия в маршах и пикетированиях, а также в выборах разного типа. Данные социологического опроса обобщались посредством факторного анализа. Доном Боуэном, Элеонорой Боуэн, Шелдоном Говайзером и Луи Мазотти был построен интегральный индекс протеста путем взвешивания пунктов шкал на факторные нагрузки четырех переменных (одобрение маршей, пикетов и протестов; уверенность в том, что организация демонстрации протеста влияет на правительство; уверенность в том, что марши, пикеты и протесты решают проблемы; согласие с утверждением, что восстания приносят некоторую пользу). Выше среднего значения индекса располагались респонденты с высокими протестными ориентациями, а ниже – соответственно с низкими протестными ориентациями [3, с. 20–22].

Дуглас и Линда Нильсон при анализе данных опроса общественного мнения жителей Мадисона (США) обращают внимание как на протестные, так и на антипротестные ориентации населения в контексте его доверия к элитам. На основе ответов респондентов на 7 вопросов относительно поддержки различных видов протестных действий (по шкале Лайкерта) определялся уровень протестных ориентаций и рассчитывались два интегральных индекса – поддержка мирных акций протеста и поддержка насильственных акций протеста [4]. Рэйчел Муран, Магдалена Салдана, Шеннон Макгрегор и Адриан Зэх, основываясь на данных проекта по изучению общественного мнения в Латинской Америке, осуществленного в 25 странах, приходят к выводу о наличии двух факторов, обуславливающих общественное мнение по отношению к протестным действиям. Первый фактор образуют 2 переменные, отражающие умеренные протесты (одобрение по 10-ти балльной шкале действий «людей, участвующих в легальных демонстрациях», «людей, участвующих в организации группы для решения проблем сообщества»), а второй фактор – 3 переменные, охватывающие радикальные протесты, связанные с насилием и гражданским неповиновением (одобрение действий «людей, участвующих в блокировании дорог в знак протестов», «людей, вторгающихся в частную собственность или владения, с целью протестов», «людей, участвующих в группе, чтобы свергнуть избранное правительство») [5, с. 5–6]. В лонгитюдном исследовании, проведенном среди восточнонемецких, израильских и палестинских подростков, два фактора предполагаемого участия в политической жизни общества получили название неконвенциональных, однако законных методов протеста, и незаконных методов протеста [6, с. 132–133].

В одном из первых всеукраинских исследований по указанной тематике готовность к социальному протесту определялась с помощью соответствующих индексов, включающих средневзвешенные суммы ответов респондентов по порядковым шкалам, относительно возможного участия в таких формах гражданской активности, как сбор подписей, законная демонстрация, митинг, угроза забастовкой, бойкот, незаконная забастовка, захват зданий [7]. Всеукраинский социологический мониторинг общественного мнения Института социологии НАН Украины содержит ряд вопросов о протестных настроениях населения страны. Наталья Панина, Евгений Головаха и Эдуард Клюенко внесли весомый вклад в разработку и последующее внедрение в практику массовых социологических исследований Индекса дестабилизационного протестного потенциала (ИДПП), измеряющего социальную напряженность в украинском обществе, который включает взвешенную сумму ответов респондентов относительно возможного участия в десяти акциях политического протеста. Весовые коэффициенты для переменных, составляющих указанный индекс, выбирались на основании экспертного опроса [8, 9]. С помощью такой процедуры удалось «растянуть» шкалу и определить пороговые значения, которые свидетельствуют о нарастании кризисных явлений. Указанный индекс широко используется для характеристики динамики и особенностей протестных настроений населения Украины [10, 11].

Кроме выявления декларативных намерений респондентов, методический инструментарий социологических исследований включает вопросы об опыте общественно-политической и протестной активности. Так, Александр Резник, используя результаты изучения общественного мнения, проведенного в Украине, включил в процедуру факторного анализа переменную с совместимыми альтернативами, отражающими участие населения в 16 общественно-политических практиках, в том числе и протестных мероприятиях, и для массивов за разные годы нашел пяти- и шестифакторные решения [12, с. 242–247]. Анна Керн, Софи Мариен и Марк Хоге с помощью подтверждающего факторного анализа ответов

респондентов на шесть вопросов Европейского социального исследования выявляют две латентные переменные, отражающие институционализированное (членство в партии и работа в политической партии/группе активистов) и неинституционализированное политическое участие (обращение в течение последних 12 месяцев к политику или другому государственному должностному лицу, подписание петиции, участие в законных демонстрациях и бойкотирование определенных продуктов) [13].

Наряду с различными методами снижения размерности данных подсчет среднего балла по ряду индикаторов является широко распространенной процедурой в социологических исследованиях. В частности, Андрей Кирбиш построил индексы неэлекторального политического участия, электорального участия, участия в общественной жизни, ведения политических дискуссий и получил сравнительные оценки по композитным шкалам для выборок студентов, проживающих в странах, которые входили когда-то в состав бывшей Югославии [14, с. 4–5]. Пиппа Норрис на основе факторного анализа данных Всемирного исследования ценностей очерчивает три измерения политического участия: гражданский активизм (8 вопросов), протестный активизм (5 вопросов), голосование (1 вопрос). В итоге была предложена шкала протестного активизма, где самые низкие баллы выставлялись респондентам, которые не имели опыта каких-либо протестных действий, а самые высокие, – которые принимали участие в пяти протестных практиках [15, с. 196]. Таким образом, членство в различных организациях (например, политических партиях, профсоюзах, благотворительных, экологических, спортивных и других организациях), а также электоральное участие не входило в сферу протестной активности [1, с. 25].

Отметим, что во Всемирное исследование ценностей/Европейское исследование ценностей включены вопросы, одновременно фиксирующие как реальное участие в протестах, так и определенные намерения респондента предпринять их в будущем. Такое совмещение во временном континууме разных альтернатив (выбор альтернативы о фактическом участии в политическом протесте исключает альтернативу о намерении) нельзя, на наш взгляд, признать удачным. К тому же формулировки вопросы не предполагают выяснения периода, когда были совершены те или иные протестные действия. Тем не менее, для обобщения данных относительно протестных намерений/действий Кристиан Вельцель и Франциска Дойч каждой альтернативе вопроса приписывают соответствующий весовой коэффициент [16]. На данных Европейского исследования ценностей с использованием модели шкалирования Моккена был построен индекс политического протеста [1, с. 29–32]. Похожий инструментарий использует также и Михаил Назаров при исследовании детерминант политического протеста [17]. Указанная формулировка альтернатив вопросов позволяет выделить группы протестных действий (мирных, активных и радикальных), упорядоченных как по степени готовности к протестному поведению, так и по частоте участия населения в протестах [18, с. 87–88]. В свою очередь Эрсин Калайджиоглу на основе данных изучения общественного мнения жителей Турции строит индекс протестного потенциала как главную компоненту, включающую линейную комбинацию переменных, отражающих намерения респондентов (отсутствии таковых) либо их опыт участия в подписании петиций, бойкотах, законных демонстрациях, стихийных забастовках и захвате зданий [19, с. 69].

Результаты Европейского социального исследования по вопросам политического участия населения Великобритании подвергались анализу главных компонент: 11 исходных индикаторов были собраны в четыре фактора, отражающих конвенциональные и неконвенциональные формы протеста, интерес к политике и участие в выборах. Аналогичная структура политического участия выявлена и в ряде других европейских стран [20, с. 7–8]. На основе вопросов об участии респондента в политических акциях за последний год, которые включены в указанный выше международный проект, Франческой Вассало построен индекс политического протеста, учитывающий разный вес выбора респондентом альтернатив подписания петиций, бойкота продукции и участия в законных демонстрациях [21, 22]. В свою очередь Александр Резник на данных Европейского социального исследования строит аддитивный индекс участия в общественно-политических практиках путем вычисления среднего арифметического значения перечня семи занятий респондентов (в том числе, подписания петиций, участия в санкционированных митингах или демонстрациях, бойкотирования каких-либо промышленных или сельскохозяйственных продуктов) [23, с. 92].

Юрий Левада при анализе массивов мониторинговых опросов общественного мнения жителей Российской Федерации вычислял социологический индекс как произведение долей респондентов, положительно отвечающих на вопросы о возникновении протестов и предполагаемом участии в них [24, с. 7]. Таким образом, учитываются ответы респондентов об их потенциальных действиях только при

выборе ими альтернативы вопроса о высокой вероятности протестов в населенном пункте. Мнение респондентов, выражающих готовность прибегнуть к протестам, не дожидаясь массовых выступлений, не принималось во внимание. В практической плоскости прогнозирования социальных возмущений большое значение имеет определение количественных параметров протестного ядра, которое выражает постоянную готовность выйти на демонстрации и митинги, безотносительно к их предварительному развертыванию. Российскими социологами также широко применяется индекс общественного протестного потенциала и индекс личного протестного потенциала, которые рассчитываются как взвешенная сумма ответов респондентов о вероятности акций протеста и готовности принять участие в них [25]. Отметим некоторое наложение вопросов, когда ответ о потенциальном своём участии респондент даёт исходя из возможности (ожиданий) массовых акций протеста.

Эдуард Маллер в своей монографии, посвященной изучению агрессивного политического участия, приводит методики измерения протестного поведения и протестных установок, конструирования разных видов шкал, а также результаты компонентного и факторного анализа индикаторов такого поведения, включающих незаконные забастовки, отказ платить арендную плату, захват зданий, борьбу демонстрантов с полицией, использование насилия против правительства [26]. Стивен Финкель и Карл-Дитер Опп предложили процедуру «мультипликативного взаимодействия шкал», когда ответы респондентов о прошлом участии в легальных или нелегальных протестных акциях («никогда», «один раз», «несколько раз») умножались на ответы о намерении принять участие в них (пять категорий: от «совсем нет» до «очень вероятно») и затем подвергались факторному анализу [27, с. 72].

Социологический инструментарий мониторинговых проектов содержит лишь несколько вопросов, посвященных исследованию политических протестов, и существенно уступает по объему соответствующим психологическим методикам [28–30]. Так, для измерения склонности к социальному активизму Александрой Корнинг и Даниэлем Майерсом разработан психологический опросник (Activism Orientation Scale), шкала которого включает 35 вопросов относительно вероятности действий, которые может совершить индивид в будущем. С помощью факторного анализа выявлены два фактора, определяющие конвенциональный активизм (28 пунктов) и чрезвычайно рисковый активизм (7 пунктов) [31]. Значительный интервал между массовыми социологическими опросами не позволяет зафиксировать ситуативные изменения общественного мнения и поведения граждан. Методологическую проблему построения социологических индексов также составляет установление согласования между декларативным выражением мнения и проявлениями реального политического участия.

Целью публикации является измерение протестных/непротестных ориентаций или неопределенной позиции населения постмайданной Украины на основании построения нескольких интегральных количественных показателей. Под протестными ориентациями будем понимать отношение респондента к протестной активности в целом и его представление о своей роли в протестных действиях. Протестная ориентация включает когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты. Протестные/непротестные ориентации, обладая определенной изменчивостью и подвижностью, служат основой для формирования более устойчивых образований – протестных/непротестных установок. На протестные ориентации/установки влияет ряд факторов, в том числе и опыт протестной активности индивида.

Эмпирическую базу исследования составили данные проекта «Украинское общество: мониторинг социальных изменений» Института социологии НАН Украины. Необходимо учитывать, что всеукраинский социологический опрос ($n = 1800$) осуществляется один раз в год и поэтому он не может с точностью предсказать внезапно возникающие при определенных условиях социально-значимые явления. В тоже время комплексные социологические показатели показывают тенденции протестных настроений. Интегральные индексы построены на массиве 2014 года, поскольку в нём также присутствовал вопрос об участии населения в Евромайдане. Содержательный и статистический анализ основывается на изучении ответов респондентов, формулировка которых и соответствующие номера в анкете Института социологии НАН Украины представлены ниже [32, с. 200–2006].

с4. «Как Вы считаете, насколько возможны сейчас в Вашем городе/селе массовые выступления (митинги, демонстрации) населения против падения уровня жизни, в защиту своих прав?» (с возможными вариантами ответа: «1 – маловероятны; 2 – трудно сказать; 3 – достаточно вероятны»).

c5. «Если такого рода митинги, демонстрации протеста произойдут, Вы лично будете принимать в них участие или нет?» (с возможными вариантами ответа: «1 – скорее всего, нет; 2 – трудно сказать; 3 – скорее всего, да»).

c6. «В случае, если нарушаются Ваши права и интересы, какие меры и средства отстаивания своих прав Вы считаете эффективными и допустимыми настолько, что готовы сами принять в них участие?» (со шкалой с совместимыми альтернативами, которые кодировались 1 – в случае выбора респондентом и 0 – в противном случае:

- «участие в предвыборных кампаниях;
- сбор подписей под коллективными воззваниями;
- законные митинги и демонстрации;
- угроза забастовкой;
- бойкот (отказ выполнять решения администрации, органов власти);
- несанкционированные митинги и демонстрации;
- незаконные забастовки;
- голодовки протеста;
- пикетирование государственных учреждений;
- захват зданий государственных учреждений, блокирование путей сообщений;
- создание независимых от Президента и правительства вооруженных формирований;
- другое;

ни одна из мер не кажется мне эффективной и допустимой настолько, чтобы я принял в них участие;

затрудняюсь ответить»).

c7. «Что, по Вашему мнению, лучше – терпеть любые материальные трудности ради сохранения в стране порядка, мира и спокойствия, или в случаях значительного ухудшения условий жизни выходить на улицу с протестом?» (с такими вариантами ответа: «1 – следует любой ценой сохранять порядок, мир и согласие, 2 – трудно сказать, 3 – следует активно протестовать против постоянного ухудшения условий жизни»).

Четыре вопроса, которые включены в методический инструментарий Института социологии НАН Украины, имеют свои особенности. Так, вопрос *c4* отражает индивидуальную оценку возможности возникновения массовых выступлений, а вопрос *c5* фиксирует уже личную позицию относительно участия в протестах, которая в значительной степени является производной от ответа на предыдущий вопрос. Логическая и статистическая связь этих вопросов обуславливает их дальнейшее рассмотрение в комплексе. Вопрос *c6* направлен на уточнение использования возможных конвенциональных и неконвенциональных средств при отстаивании своих прав и интересов, а формулировка вопроса *c7* содержит одновременно и индивидуальный, и социальный компонент, поскольку респондент может иметь в виду как собственные действия, так подразумевать необходимость протестной активности других сограждан.

Количество пунктов шкалы и порядок их расположения в трех вопросах (*c4*, *c5*, *c7*) является одинаковым. Один вопрос (*c6*) содержит шкалу с совместимыми альтернативами, отражающих и потенциальное участие респондента в различных формах протестной активности, и участие в предвыборной кампании с целью отстаивания своих прав. Упомянутый выше ИДПП не включает такие альтернативы вопроса, как «участие в предвыборных кампаниях» и «другое». Содержательная интерпретация участия в выборах применительно к протестному поведению, конечно же, носит весьма дискуссионный характер. С одной стороны, для большинства людей выборы остаются внутренним долгом и являются легитимным действием в противовес протестно ориентированной позиции. Благодаря демократической процедуре голосования формируются органы представительской власти, через которые люди имеют возможность реализовать свои права и интересы. С другой стороны, участие в предвыборной кампании для одних людей сопряжено с поддержкой власти, а для других – является выражением их оппозиционных взглядов (протестное голосование), когда человек не может или не считает приемлемым для себя прибегать к различным формам протестных действий.

По данным мониторинговых социологических опросов большинство респондентов, выбирая альтернативу участия в предвыборной кампании, отмечает также дополнительно и какие-либо «протестные» ответы. В частности, на массиве социологических анкет 2014 года обнаружена

статистически значимая ($\alpha = 0,05$) позитивная связь между выбором участия в предвыборной кампании и сбором подписей под коллективными петициями (коэффициент корреляции Юла $Q = 0,69$; $se = 0,031$; 95% CI : 0,63–0,76), а также потенциальным участием в законных митингах и демонстрациях ($Q = 0,53$; $se = 0,041$; 95% CI : 0,45–0,61), угрозах забастовкой ($Q = 0,57$; $se = 0,071$; 95% CI : 0,43–0,71), бойкотах ($Q = 0,31$; $se = 0,079$; 95% CI : 0,16–0,47), голодовках протеста ($Q = 0,39$; $se = 0,15$; 95% CI : 0,11–0,68), пикетировании государственных учреждений ($Q = 0,31$; $se = 0,074$; 95% CI : 0,17–0,45). Вместе с тем, предполагаемое участие респондента в голосовании отрицательно связано с выбором альтернативы относительно создания независимых вооруженных формирований ($Q = -0,44$; $se = 0,19$; 95% CI : -0,82– -0,06).

Респонденты, выбирая соответствующие пункты шкалы, выражают мнение о возможных в той или иной степени действиях, поскольку реальный опыт протестной активности был лишь у сравнительно небольшой части опрошенных. Одновременно по ответам опрошенных жителей Украины можно судить об их симпатиях и потенциальной поддержке других сограждан, готовых выйти на улицы при определенных обстоятельствах, об отношении населения к власти и о том, как далеко оно готово зайти в борьбе за свои права. Один из вопросов анкеты содержит широкий диапазон разновидностей протестных практик и, таким, образом ответы на него могут чётче идентифицировать лиц с неконформистскими взглядами, предполагающих обратиться к различным мерам и средствам протеста для отстаивания своих интересов, нежели лиц, не считающих для себя приемлемым принимать в них участие, и респондентов с неопределенной позицией относительно протестов.

Протест как политическое действие носит, как правило, массовый характер, в который вовлекаются большие социальные группы. Поэтому в социологическом смысле можно говорить о коллективных ориентациях на социальный протест. Достаточно условно можно сказать, что когнитивный компонент ориентации присутствует в ответах респондентов на вопрос об оценке вероятности выступлений населения, эмоциональный – в решении об активном протесте против ухудшения условий жизни или о терпении ради сохранения в стране порядка, мира и спокойствия, поведенческий – в готовности участвовать в митингах и демонстрациях протеста, а также отстаивать свои права, прибегая к различным формам протеста. В последнем случае, безусловно, присутствуют не только рациональные предположения, но и эмоциональное выражение определенного недовольства.

В анализ также включена большая категория неопределившихся респондентов. Вариант альтернативы «трудно сказать» не имеет однозначной интерпретации. Так, например, индивиды могут более взвешенно подходить к самооценке своей готовности к протестам. За этим ответом также может скрываться и нежелание открыто высказывать уже сформированную активную позицию, и респонденты, принадлежащие к этой отдельной категории, могут потенциально пополнить ряды демонстрантов или по-другому выразить неудовлетворенность состоянием политического климата в государстве. Уменьшение численности указанной категории свидетельствует о возрастании определенности общественного мнения по вопросам поддержки/неподдержки протестов.

Несмотря на наличие различных социальных проблем, для большинства людей политическая борьба находится вне поля их насущных потребностей. Отказ от протеста часто трактуется как проявление конформизма, адаптации к существующим в социуме отношениям и правилам, отстраненности от общественно-политической жизни, безучастного наблюдения за событиями, однако мы не склонны рассматривать его исключительно в качестве пассивной или аполитичной позиции граждан. Часть населения не считает указанную форму политической деятельности эффективной в разрешении социальных конфликтов и давлении на власть, а также приемлемой для личного участия или поддержки общественных активистов. Другие люди опасаются возрастания градуса социальной напряженности и нестабильности в населенном пункте (регионе, стране), чрезмерного обострения межгрупповых противоречий и политической конфронтации, возможных негативных последствий радикализации общества. Кроме того, отдельные виды протестного поведения связаны с нарушением законодательных норм права и последующей реакцией правоохранительных органов, а также риском нанесения вреда жизни, здоровью и имуществу, что также является дополнительным барьером для проявления активных действий.

Декларация намерений далеко не всегда приводит к реальным действиям. Мониторинг Института социологии НАН Украины, проведенный в 2006, 2007, 2009, 2011 и 2013 годах, показывает, что доля ответов респондентов, принимавших участие хотя бы одной из шестнадцати общественно-политических

акций (например, убеждение друзей, близких, знакомых в правоте своих политических взглядов, контактирование с активистами политических организаций, а также с официальными представителями власти, ношение политической символики и т.д.) колеблется от 16,3% до 35,3% (в 2013 г. она составляла 20,2%) [33, с. 162–163]. Исходя из данных социологического опроса 2014 года, доля лиц, принимавшая непосредственное участие в акциях протеста против власти в декабре 2013 – феврале 2014 года в своём населенном пункте или г. Киеве, или помогавшая митингующим ресурсами (продуктами, вещами, деньгами) составила 17,1% респондентов (шкала переменной $z/2$ с совместимыми альтернативами была трансформирована в дихотомическую с такими значениями: «0 – не участвовал, 1 – участвовал в акциях в Киеве, других городах или помогал митингующим»; для последующего анализа пропуски в данных закодированы нулями).

Для выявления эмпирической структуры готовности принимать участия в протестах и протестных ориентаций в целом, а также отказа от определенной установки был использован множественный анализ соответствий – многомерный статистический метод, позволяющий отображать ассоциации между категориями переменных в пространстве меньшей размерности, оптимальном для критерия, основанного на инерции (нормированной статистике хи-квадрат), которая является аналогом общей дисперсии. В результате множественного анализа соответствий происходит выявление факторов, квантификация категорий и объектов.

В статистическую обработку включен ряд дихотомий вопроса относительно отстаивания респондентами своих прав и интересов в случае их нарушения. Заметим, что многомерный статистический анализ вопроса с совместимыми альтернативами имеет ряд существенных ограничений, связанных с взаимоисключением ответов: выбор одной или целого ряда альтернатив не допускает выбор двух других (количественно этот эффект проявляется в отрицательной функциональной зависимости). Для того, чтобы сохранить при анализе в качестве активных содержательно близкие альтернативы «ни одна из мер не кажется мне эффективной и допустимой настолько, чтобы я принял в них участие» и «затрудняюсь ответить» они были объединены в одну категорию. Хотя категория «участие в предвыборной кампании» не учитывалась в анализе, она была отмечена на карте соответствий как дополнительная.

Общая картина взаимосвязей между категориями вопроса $сб$ представлена на рис. 1. Острый угол, образованный сочетанием категорий переменных с началом координат (центром тяжести), свидетельствует о наличии положительной ассоциации, угол в 90 градусов – об отсутствии связи, угол около 180 градусов – о наличии негативной ассоциации. При этом чем длиннее отрезки, соединяющие пары точек с началом координат, тем сильнее между категориями проявляется взаимодействие. Собственное значение первого измерения составляет: $\lambda_1 = 0,26$, второго – $\lambda_2 = 0,13$, значения скорректированной инерции соответственно – 82,2% и 6,1%. Таким образом, два фактора совместно объясняют 88,3% скорректированной инерции.

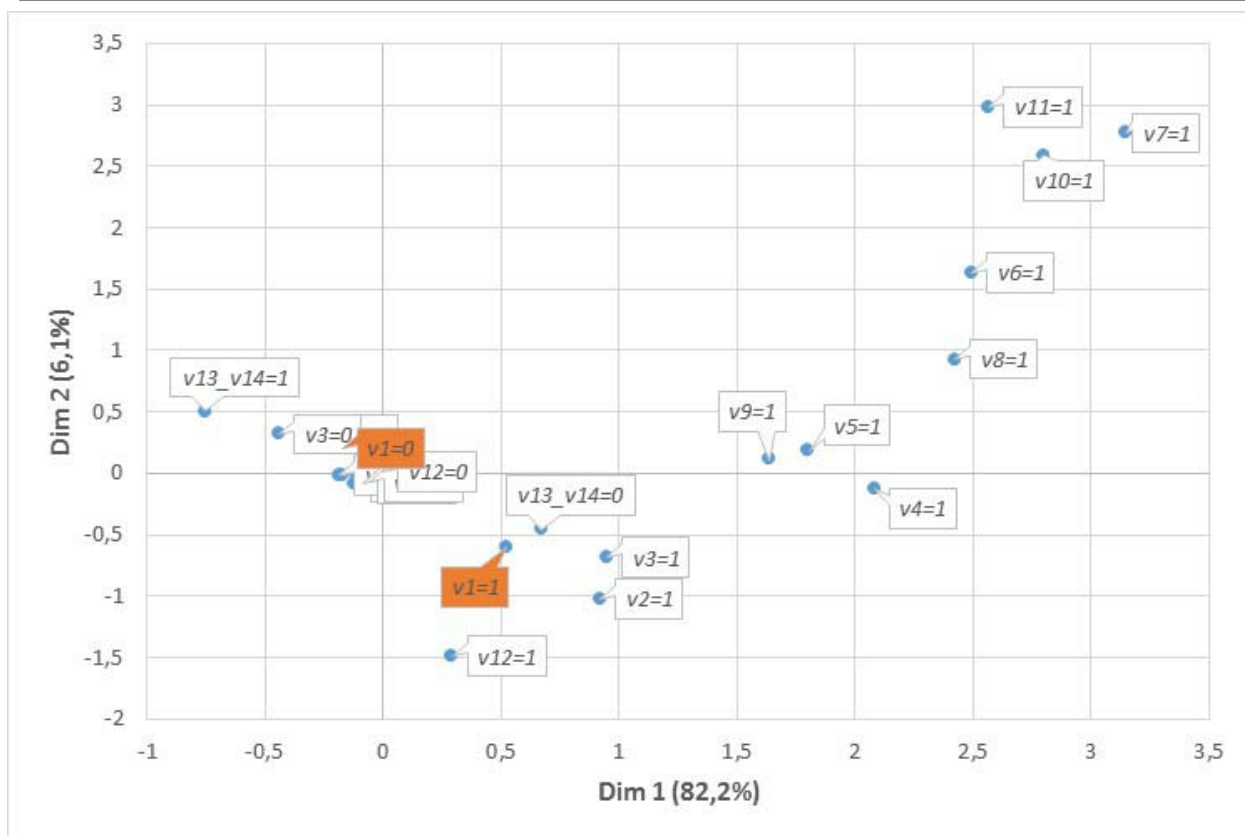

Рис. 1. Координаты категорий переменных, отражающих потенциальную готовность населения Украины к протестным действиям¹

Горизонтальная ось отделяет сторонников протестов от респондентов, которые воздерживаются от протестных действий или затрудняются ответить на этот вопрос. Индивиды, имеющие более высокие факторные баллы, склонны выбирать большее количество протестных альтернатив (включая и участие в

¹ Примечание. На рис. 1 категории соответствуют формулировкам альтернатив вопроса *сб*:

Участие в предвыборных кампаниях	v1
(дополнительная категория отмечена оранжевой заливкой)	
Сбор подписей под коллективными воззваниями	v2
Законные митинги и демонстрации	v3
Угроза забастовкой	v4
Бойкот (отказ выполнять решения администрации, органов власти)	v5
Незаконные митинги и демонстрации	v6
Незаконные забастовки	v7
Голодовка протеста	v8
Пикетирование государственных учреждений	v9
Захват зданий государственных учреждений, блокирование путей сообщений	v10
Создание вооруженных формирований	v11
Другое	v12
Ни одна из мер не кажется мне эффективной и допустимой настолько, чтобы я принял в них участие	v13_v14
Затрудняюсь ответить	

предвыборной кампании) Таким образом, первое измерение отражает разнообразие в выборе средств и методов политического протеста. Вертикальная ось разграничивает приемлемость для респондента основных форм политического участия. Так, в первом квадранте (положительная полуось ординат) располагаются неконвенциональные действия, которые реализуются вне институциональной структуры общества, а в четвертом квадранте (отрицательная полуось ординат) – преимущественно конвенциональные средства протеста. Ряд респондентов считает эффективным совокупность сугубо радикальных способов борьбы за свои права. Гражданская позиция населения, проявляющаяся в готовности участвовать в предвыборной кампании, соотносится с конвенциональными акциями протеста. Таким образом, результаты статистического анализа говорят в пользу обоснованности теоретических предположений о наличии основных составляющих политического участия, выражающегося в конвенциональной и неконвенциональной протестной активности, и могут быть использованы для построения субшкал, измеряющих эти две формы политического участия.

В последующую обработку включены в качестве активных три номинальные переменные (*c4*, *c5*, *c7*) и три бинарные альтернативы вопроса *сб* (кодировались 1 в случае выбора и 0 – в противном случае): *сба* – ни одна из мер не кажется мне эффективной и допустимой настолько, чтобы я принял в них участие; *сbb* – затрудняюсь ответить; *сbc* – готов прибегнуть хотя бы к одной из одиннадцати мер протеста. После искусственного укрупнения последнего пункта шкалы следует констатировать, что 45,7% респондентов в 2014 году выражали готовность обратиться к каким-либо средствам и мерам протеста.

В качестве дополнительных (иллюстративных) категорий, которые не участвовали на первоначальном этапе в анализе, но отображались на карте соответствий, использовались одна из альтернатив переменной (*сб*) – *сbd*, фиксирующая потенциальное участие или неучастие респондента в предвыборной кампании, и переменная *z12* с категориями, отражающими ответы на вопрос об опыте протестной активности во время Евромайдана и помощи активистам, а также количественная переменная ИДПП (Index of destabilization of protest potential – *IDPP*).

Основные результаты множественного анализа соответствий – расположение категорий переменных в плоскости двух измерений представлены на рис. 2. Полученные оси трактуются как факторы. Собственное значение первого измерения составляет: $\lambda_1 = 0,38$, второго – $\lambda_2 = 0,25$, значения скорректированной инерции соответственно – 64,9% и 10,0%. Таким образом, два фактора объясняют 74,9% скорректированной инерции. Первое измерение (ось абсцисс) можно трактовать как напряженность протестного потенциала. Среди категорий, представленных этим измерением, существует наибольшая вариабельность. При этом на положительном полюсе первого измерения находятся признаки, связанные с потенциальным протестным поведением, а на отрицательном – с отказом от такого действия. Если спроецировать на первую ось значения категорий, то альтернативы вопросов «трудно сказать» будут стоять ближе к альтернативам отказа от протестов (отрицательная полуось).

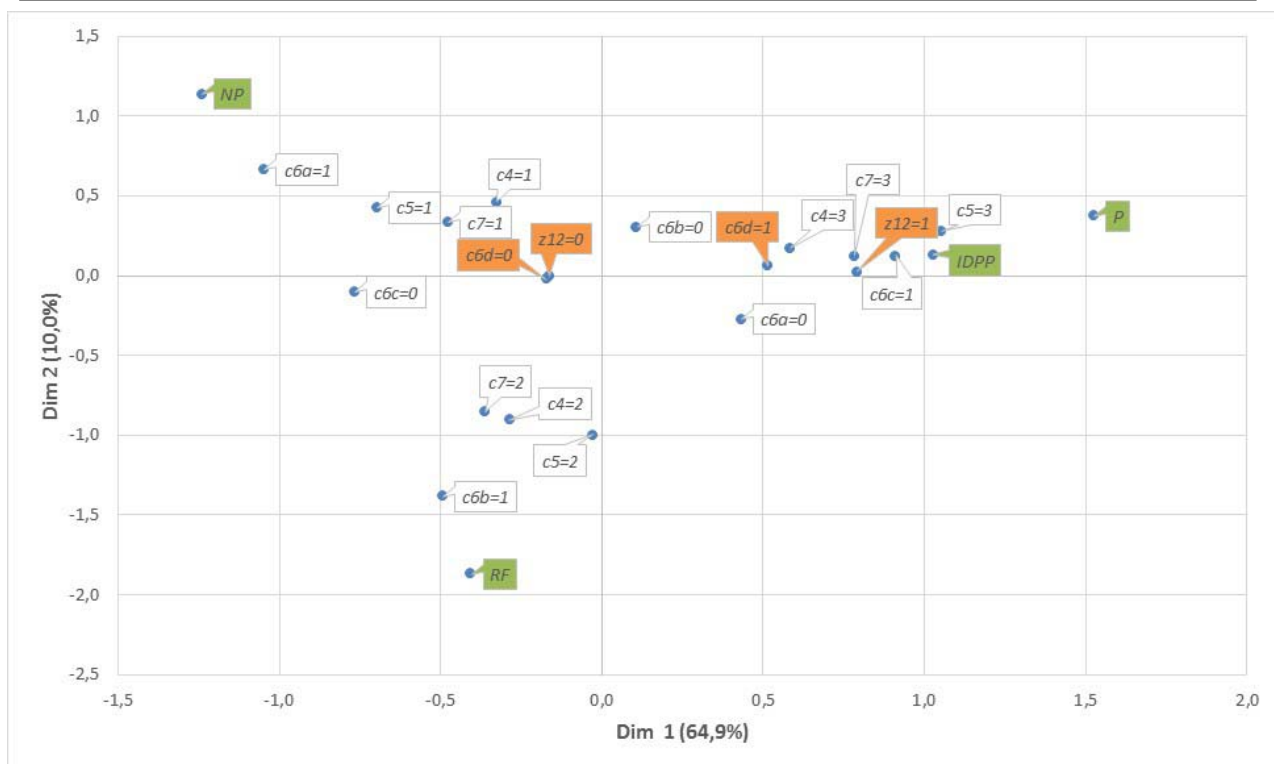

Рис. 2. Координаты категорий переменных, отражающих (не)протестные ориентации населения Украины и участие в Евромайдане²

Следует отметить, что по горизонтали проявляется и некая упорядоченность альтернатив явных переменных (от несогласия участия в протестных действиях и неопределенной позиции до полной поддержки протестов), что, вероятно, было заложено и авторами методического инструментария при формулировке соответствующих вопросов, где альтернатива «трудно сказать» занимала срединное положение.

Второе измерение (ось ординат) отражает определенность общественного мнения, когда респондент выбирает либо поддержку протестов/отказ от них, либо же совсем не может высказать свое мнение однозначно.

Из распределения точек по трем облакам можно сделать выводы о взаимодействии показателей, отражающих поддержку протестов или их принятие, а также отсутствие мнения по этим вопросам. Если респондент оценивает выше вероятность протестов в своём населенном пункте и предполагает своё будущее участие в митингах и демонстрациях, он также готов прибегнуть к различным конвенциональным или неконвенциональным мерам и средствам протеста, а также придерживается мнения о необходимости активного протеста против постоянного ухудшения условий жизни. Категории дополнительных переменных участия в Евромайдане и потенциального участия в предвыборной кампании образуют взаимозависимости с категориями, относящимися к проявлениям протестных настроений. В свою очередь, положительное взаимодействие фиксируется между соответствующими группами альтернатив, фиксирующими отказ от протеста, и группами альтернатив, отражающими неопределенность общественного мнения относительно протестов.

На преобразованных данных также сохраняется статистически значимая связь ($\alpha = 0,05$) между укрупненной альтернативой, объединяющей различные формы потенциальной протестной активности, и

² Дополнительные переменные с номинальными шкалами обозначены оранжевой заливкой, переменные (индексы) с псевдометрическими шкалами – зеленой заливкой.

выбором альтернативы участия в предвыборной кампании ($Q = 0,62$; $se = 0,037$; 95% CI : 0,55–0,69). Однако заметим, что указанная на рисунке дополнительная категория неоднородна, поскольку объединяет как респондентов, которые выбрали только одну альтернативу, так и тех, кто, кроме участия в предвыборной кампании, выражает готовность прибегнуть и к другим мерам политического протеста³.

Основываясь на результатах предварительного разведочного анализа построены три интегральных индекса, измеряющих определенность и полярность (не)протестных ориентаций как арифметические суммы переменных, фиксирующих поддержку протестов, отказа от протестов или неопределенности общественного мнения по этим темам. Значения каждого из индексов рассчитывались по четырем переменным: преобразованным в фиктивные переменные путем дихотомизации альтернативы трех вопросов ($c4$, $c5$, $c7$) и трем альтернативам переменной cb – cba , cbb , cbs .

Значение коэффициента α Кронбаха, базирующегося на тетракорических коэффициентах корреляции (быстрая аппроксимация) переменных, из которых составлен индекс непротестной ориентации, – 0,67, индекс неопределенности в ориентации на протест/отказ от протеста – 0,60, индекс протестной ориентации – 0,76. Минимальное значение индексов равно нулю, максимальное – четырем баллам, среднее значение индекса непротестной ориентации (non-protest orientation – NP) равняется 1,54, индекса неопределенности в ориентации на протест/отказ от протеста (refuse to answer about protest – RF) – 0,93, индекса протестной ориентации (protest orientation – P) – 1,46. Заметим также, что в работе [34, с. 120] дается интерпретация среднего значения дихотомической переменной как доли людей в изучаемой совокупности, которая имеет единичное значение рассматриваемого признака. Индексы отражают не только самооценку собственных действий респондентов, но и широкий спектр рациональных соображений, ожиданий, предвосхищений, касающихся сферы общественно-политической активности, выражающейся в протестных формах.

Указанные количественные показатели также отображены на рис. 2 в качестве дополнительных категорий, которые располагаются вдали от начала координат и, следовательно, с помощью социологических индексов можно дифференцировать разные точки зрения на политический протест. Коэффициент корреляции Кэндела τ - b ($\alpha = 0,01$) между значениями объектов по первому измерению, выделенному в результате множественного анализа соответствий, и индексом протестной ориентации составляет 0,83, между ИДПП и координатами объектов по первому измерению – 0,62, между ИДПП и индексом протестной ориентации – 0,59.

С помощью обнаруженных факторов (измерений) и построенных интегральных индексов можно быстро оценить определенность и направленность протестных/непротестных ориентаций в обществе в целом и среди отдельных социально-демографических групп. Кроме значений средних или распределения рангов в различных совокупностях интерес также представляют и характеристики респондентов по сочетанию признаков.

Учитывая проведенный анализ, можно сделать следующие выводы.

В мировой и отечественной социологии протестные настроения и факторы, которые их обуславливают, характеристика протестно-активных групп являются предметом многочисленных эмпирических исследований. Следует констатировать, что реальный, а не декларативный политический активизм остается уделом сравнительно небольшой части населения Украины. В то же время тема непротестных ориентаций, которые выступают и некоторым стабилизирующим фактором в социуме, или же нейтральной и неопределенной позиции по указанной проблеме (отсутствие установки), не была рассмотрена в должной мере. Мотивами потенциального неучастия граждан в протестных действиях могут выступать, например, индифферентность, когда ситуация не касается респондента, консерватизм, желание сохранить сложившийся социальный порядок, лояльность к политическому режиму, обращение к демократическим процедурам выборов или же наоборот, неверие в то, что власть в стране вообще можно коренным образом изменить к лучшему, следование традиционным социальным нормам и законопослушность, нехватка свободного времени, опасение за свою безопасность при массовых мероприятиях, отстраненность от политической жизни, неприятие протеста в целом либо некоторых его форм и средств выражения, отсутствие лидеров протестных настроений, несогласие с идеями,

³ В последующей работе мы намерены представить расширенную типологию протестных ориентаций населения Украины с учётом выбора альтернативы участия в предвыборной кампании вопроса относительно отстаивания респондентами своих прав и интересов в случае их нарушения.

требованиями и целями протестующих, неоднозначность в оценках результатов предыдущих массовых выступлений и др.

Для комплексной характеристики протестных взглядов и протестного поведения обычно используется сопоставление долей ответов респондентов по отдельным показателям или по объединенным альтернативам и интегральные индексы. Весовые коэффициенты определяются путем эвристического приписывания ответам респондентов определенных баллов, по результатам многомерного статистического анализа выборочных данных, на основе экспертного опроса. Социологический мониторинг позволяет констатировать уменьшение или повышение градуса общественного недовольства, характеризовать массовые политические настроения, однако исходя из этого сложно предсказать точное начало общественных конфликтов, которые обычно носят стремительный и ситуативный характер. Последние возникают не только в силу неудовлетворенности политическим режимом, но и в результате кризиса власти, раскола политических элит и мобилизации разного рода ресурсов (организационных, финансовых, медийных, человеческих и др.), направленных на реформирование политического поля.

Многомерный статистический анализ использован как для описания взаимосвязи между категориями, так и для отображения в пространстве меньшей размерности интегральных индексов, отражающих готовность прибегнуть к различным протестным тактикам, протестные/непротестные ориентации. С помощью множественного анализа соответствий исследована структура представлений респондентов об их действиях в случае нарушения прав и интересов. Установлено, что первый фактор определяет разнообразие протестных мер и средств, второй – выбор конвенционального или неконвенционального политического участия.

В результате анализа также обобщены ответы респондентов на четыре вопроса анкеты. Выявлены два фактора, которые определяют основные различия в протестных настроениях населения Украины. Первое измерение отделяет людей, ориентированных на протесты, от людей, которые воздерживаются от такого рода активности либо не имеют четко выраженного мнения относительно протестов. Это измерение также дискриминирует (разделяет в статистическом смысле) участников и неучастников Евромайдана. Люди, обладающие опытом протестной активности, имеют более выраженную протестную ориентацию. Второе измерение разграничивает людей с какой-либо позицией по отношению к протестам от людей, которым сложно определиться с мнением. Выявлены подобию между отдельными альтернативами вопросов. После укрупнения пунктов одной из шкал и образования фиктивных переменных построены три интегральные индекса (рассчитаны как простая, невзвешенная сумма выбора соответствующих альтернатив четырех вопросов), количественно измеряющие интенсивность протестной ориентации, отказ от протестов и неопределенность общественного мнения относительно протестных намерений.

Индекс протестной ориентации обладает лучшей внутренней согласованностью шкалы. Протестная/непротестная ориентация включает личную готовность присоединиться к митингам и демонстрациям, соотносенную с вероятностью возникновения последних; личные намерения отстаивать свои права посредством протестных акций или отказ от них; личный и социальный посыл на протестные действия в случаях значительного ухудшения условий жизни или на терпение ради сохранения в стране порядка, мира и спокойствия. Таким образом, индексы комплексно, на уровне общества в целом и отдельных социальных групп, учитывают соотношение основных видов коллективного действия, связанного с протестным движением, или неучастием в нём.

Предложенные интегральные индексы являются скорее историческими следами протестной мысли, на фоне которых актуализируются протестные движения, нежели тонким прогностическим инструментом. Вместе с тем для государственного управления представляется важным проведение регулярных социологических замеров по специализированным методикам, направленным на выявление недовольства населения, предпосылок возникновения межгрупповых конфликтов, радикализации общественных настроений.

Литература:

1. Quaranta M. Political Protest in Western Europe: Exploring the Role of Context in Political Action. Publisher: Springer International Publishing, 2015. – 149 p.
2. Массовая политика: институциональные основания / под ред. С.В. Патрушева. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 286 с.

3. Bowen D., Bowen E., Gawiser S., Masotti S. Deprivation, Mobility, and Orientation toward Protest of the Urban Poor // *American Behavioral Scientist*. – 1968. – Vol. 11(4). – P. 20–24.
4. Nilson D., Nilson L. Trust in Elites and Protest Orientation: An Integrative Approach // *Political Behavior*. – 1980. – Vol. 2(4). – P. 385–404.
5. Mourão R., Saldaña M., McGregor S., Zeh A. Support for Protests in Latin America: Classifications and the Role of Online Networking // *Social Sciences*. – 2016. – Vol 5(4). – P. 1-19.
6. Rebenstorf H. Political Participation of Adolescents in Brandenburg: The Significance of the Family Context // *Democratic Development?: East German, Israeli and Palestinian Adolescents* / Hilke Rebenstorf (eds.) – P. 125–137.
7. Паніна Н. Готовність населення до соціального протесту // *Політологічні читання*. – 1992. – № 2. – С. 28–38.
8. Ключенко Э. Измерение потенциала протеста и социальной напряженности: применение методических подходов Лайкерта и Терстоуна для конструирования интегральных количественных показателей // *Социология: теория, методы, маркетинг*. – 1999. – № 3. – С. 89–100.
9. Головаха Е.И., Панина Н.В. Потенциал протеста украинского общества // *Социологические исследования*. – 1999. – № 10. – С. 31–40.
10. Головаха Є., Жуленьова О. Соціальна напруженість і потенціал протесту в українському суспільстві: сучасний стан і динаміка // *Українське суспільство: моніторинг соціальних змін*. Випуск 2(16) / Головні редактори д.екоп.н. В.М.Ворона, д.соціол.н. М.О.Шульга. – Київ : Інститут соціології НАН України, 2015. – С. 193-202.
11. Симончук О. Протестні установки населення України: динаміка та соціально-груповий профіль // *Українське суспільство: моніторинг соціальних змін*. Випуск 4(18) / Головні редактори д.екоп.н. В.М.Ворона, д.соціол.н. М.О.Шульга. – Київ : Інститут соціології НАН України, 2017. — С. 145–160.
12. Резнік О. Громадянські практики в перехідному суспільстві: чинники, суб'єкти, способи реалізації. – К.: Інститут соціології НАН України, 2011. – 335 с.
13. Kern A., Marien S., Hooghe M., Economic Crisis and Levels of Political Participation in Europe (2002–2010): The Role of Resources and Grievances // *West European Politics*. – № 38(3). – P. 465–490.
14. Kirbiš A. Gender Gap in Citizen Engagement: A Cross-national Study of Students in Ex-Yugoslav Entities // *CRONEM 6th Annual Conference 2010 "Living Together - Civic, Political and Cultural Engagement among Migrants, Minorities and National Populations: Multidisciplinary Perspectives"*, 29 - 30 June 2010, University of Surrey, Guildford, UK. – 15 p. URL: goo.gl/SgrqVX. (circulation date: 24.11.2017).
15. Norris P. *Democratic phoenix: reinventing political activism*. Cambridge University Press, New York, 2002. – 290 p.
16. Welzel C., Deutsch F. Emancipative Values and Non-Violent Protest: The Importance of 'Ecological' Effects. *British Journal of Political Science*, 2012. – Vol. 42. – Issue 2. – P. 465–479.
17. Назаров М.М. Политический протест: опыт эмпирического анализа // *Социологические исследования*. – 1995. – № 1. – С. 47–59.
18. Коновалова В.С. Влияние вовлеченности в Интернет-деятельность на готовность к протестному поведению // *Общество и социология в современной России: материалы Всерос. науч.-практ. конференции «Общество и социология в современной России», посвященной XX годовщине празднования Дня социолога в Российской Федерации, г. Вологда, 13 – 15 ноября 2014 года* : в 3 т. – Вологда : МСЭТ РАН, 2015. – Том 1. – С. 87–91.
19. Kalaycioglu E. *Religiosity and Protest Behaviour: The Case of Turkey in Comparative Perspective // Turkey's Road to European Union Membership: National Identity and Political Change 1st Edition, Kindle Edition / by Susannah Verney (Editor), Kostas Ifantis (Editor)*. London: Routledge, 2008. – P. 61–78.
20. Kenneth N., Heiko G. Patterns of participation: Political and social participation in 22 nations, WZB Discussion Paper, 2008. – No. SP IV 2008-201 – 44 p.
21. Vassallo F., Ding P. Explaining Protest in the Aftermath of the Great Recession in Europe: The Relevance of Different Economic Indicators. *Partecipazione e Conflitto*. – № 9(1). – 2016. – P. 101–126.
22. Vassallo F. The Impact of the Economic Recession on Protest Participation in Europe. Presented in session: "Protest and the Great Depression" At the 3rd International ESS Conference, 13-15th July 2016, Lausanne, Switzerland. – 24 p. URL: goo.gl/Su7HhC. (circulation date: 24.11.2017).

«SOCIOПРОСТІР: the interdisciplinary online collection of scientific works on sociology and social work», № 7 (2018)

«SOCIOПРОСТІР: междисциплинарный электронный сборник научных работ по социологии и социальной работе», № 7 (2018)

«SOCIOПРОСТІР: міждисциплінарний електронний збірник наукових праць з соціології та соціальної роботи», № 7 (2018)

23. Резнік О. С. Чинники громадсько-політичних практик у європейських країнах // Український соціум – 2013. – № 1(44). – С. 89–99.
24. Левада Ю. Массовый протест: потенциал и пределы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 1997. – № 3. – С. 7–12.
25. Протестный потенциал. URL: https://wciom.ru/news/ratings/protestyj_potencial. (дата обращения: 14.08.2017).
26. Muller E. Aggressive Political Participation. – Princeton, N.J. : Princeton University Press, 1979. – 320 p.
27. Opp K.-D., Finkel S., Muller E., Woljtsfeld G., Dietz., Green J. Left-Right Ideology and Collective Political Action: A Comparative Analysis of Germany, Israel, and Peru // The Politics of Social Protest: Comparative Perspectives on States and Social Movements / J. Craig Jenkins and Bert Klandermans, editors. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1995. – P. 63–95.
28. Nilsson J., Marszalek J., Linnemeyer R., Bahner A., Misialek L. Development and Assessment of the Social Issues Advocacy Scale // Educational and Psychological Measurement. – 2011. – Vol. 71(1). – P. 258–275.
29. Гусейнов А.Ш. Протестная активность личности. Диссертация на соискание учёной степени доктора психологических наук: 19.00.01. – Краснодар, 2016. – 505 с.
30. Лавриченко О.В. Личностные детерминанты протестного поведения подростков // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2013. – Том 6. – № 3. – С. 35–41.
31. Corning A., Myers D. Individual orientation toward engagement in social action // Political Psychology. – 2002. – Vol. 23. – № 4. – P. 703–729.
32. Українське суспільство: моніторинг соціальних змін. Випуск 1(15), Т. 2. Таблиці і графіки / Головні редактори д.екон.н. В.М. Ворона, д.соціол.н. М.О.Шульга. – К.: Інститут соціології НАН України, 2014. – 412 с.
33. Що українці знають і думають про права людини: загальнонаціональне дослідження / І. Бекешкіна, Т. Печончик, В. Яворський та ін.; під заг. ред. Т. Печончик. – К., 2017. – 308 с.
34. Толстова Ю.Н. Анализ социологических данных. Методология, дескриптивная статистика, изучение связей между номинальными признаками. – М. : Научный мир, 2000. – 352 с.